

С. П. Шевырев

История русской словесности
часть четвёртая, содержащая XV-е столетие и
начало XVI-го.

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
С11

С11 **С. П. Швырев**
История русской словесности: часть четвёртая, содержащая XV-е столетие и начало XVI-го. / С. П. Швырев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 128 с.

ISBN 978-5-458-08305-8

Лекции Степана Швырева. Издание второе

ISBN 978-5-458-08305-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

столю митрополіи, онъ прежде всего сталъ твердою опорою у престола великокняжескаго. Неумолимо дѣйствовалъ онъ словомъ противъ притязаній Шемяки, воздвигавшаго смуты и кровопролитіе, противъ Новгорода и Вятки, которые помогали безпокойному Князю. Между тѣмъ на Западѣ, въ борьбѣ съ Литвою и ея Князьями, Іона возстановилъ и, сколько могъ, поддерживалъ единство Русской митрополіи. Во время двухъ нашествій Ногайскаго Хана, Мазовши, сына Седахметова, въ Москвѣ, оставленной В. Княземъ, подъ тучами Татарскихъ стрѣлъ, въ дыму, при заревѣ пожаровъ, совершалъ Святитель молитвенные крестные ходы по стѣнамъ осажденнаго города. Во время одного изъ такихъ всенародныхъ шествій Чудовской инокъ Антоній Кловыня палъ отъ Татарской стрѣлы и, умирая, предсказалъ соотчичамъ избавленіе отъ варваровъ. Между тѣмъ народъ, изнемогшій отъ великой истомы и дыму, но подкрѣпленный духомъ молитвы Святителя и вѣрою мученика Антонія, смѣло выходилъ изъ города на битву и отражалъ непріятеля.

Лѣтопись говоритъ, что два Святителя, соименныхъ другъ другу: митрополитъ Московскій и архіепископъ Новгородскій, испросивъ у Князя Василя милость для Новгорода, обѣщались ему испросить у Бога свободу Русской державѣ отъ Татарскаго владычества и предсказали, вмѣстѣ съ самодержавнымъ царствованіемъ Русскихъ Князей въ отечествѣ, великой Ордѣ разореніе, а Русскому царству распространеніе.

Въ 1453 году палъ Константинополь отъ руки Магомета. Изъ Святителей Русскихъ Св. Іона послѣдній видѣлъ Царьградъ еще въ его славу и въ немъ принялъ благословеніе на свою митрополію. Послѣ страшнаго и громкаго паденія колыбели нашего православія прискорбный Святитель заботился о выкупѣ Греческихъ плѣнныхъ и помогалъ, сколько могъ, патриарху Геннадію.

Послѣднимъ предсмертнымъ подвигомъ Св. Іоны была борьба съ Григоріемъ, ученикомъ Исидоровымъ, котораго поставилъ митрополитомъ на Литву лжепатріархъ Царьградскій Григорій Мамма. Твердо и грозно защищалъ престарѣлый Святитель единство Русской церкви и православіе. Но раздѣленіе митрополіи уже окончательно совершилось по смерти Григорія. Конечно, предчувствіе этого событія тяжкимъ горемъ легло на сердце архипастыря и ускорило кончину его въ 1461 году.

Событія времени, междуусобныя распри Князей, достигавшія самыхъ ужасныхъ размѣровъ, измѣны, смуты и разрывъ въ самой Церкви, которая должна была бы служить образцомъ единства для міра, положили рѣзкую печать неумолимой строгости на характерѣ Святителя. Отсутствие любви и вражда между сильными міра отзывались и въ народѣ, проникали даже въ сердца близкихъ къ Пастырю церкви. Ключникъ его жестоко отогналъ убогую вдовицу, которая просила у него испить немного меду немощи ради. Другой слуга Владыки отказалъ

другой вдовицѣ въ милостынѣ, которую обязанъ былъ именемъ Святителя раздавать убогимъ. Грозный приговоръ изъ устъ Ионы поразилъ жестокихъ сердцемъ. И по отшествіи его изъ этого міра, въ преданіяхъ о чудесахъ, имъ совершенныхъ, мы видимъ ту же самую строгость. Маловѣріе онъ наказывалъ такъ же грозно, какъ отсутствіе любви. Народное преданіе 1812 года говоритъ, что Святитель поднималъ изъ гроба грозящую руку на нечестивыхъ враговъ, когда они, вѣшая серебро иконъ во храмѣ, оскверняли храмъ Божій своимъ корыстолюбіемъ. И здѣсь тотъ же строгій характеръ! Такъ, видно, нужны были по времени и кротость Святителя Петра, когда онъ полагалъ духовное основаніе Москвѣ, и строгость Святителя Ионы, когда бури внутреннія угрожали новорожденной столицѣ¹⁾.

Преемникомъ Святителя Ионы, по его собственному назначенію, утвержденному соборомъ духовенства, былъ митрополитъ Θεодосій. Неизвѣстными остались его происхожденіе и первый иноческій искусь. Одно только прозваніе Бывальцева уцѣлѣло изъ этихъ извѣстій. Исторія застаётъ его уже архимандритомъ Чудовской обители. Здѣсь, конечно, хранившіяся преданія митрополита Алексія и близость къ Святителю Ионѣ могли благотворно дѣйствовать на его духовное воспитаніе и приготовить въ немъ достойнаго вождя для всей Русской паствы. Въ 1454 году Иона возвелъ его на кафедру Ростовскую. Въ первый годъ своего служенія на чредѣ этой паствы самъ подвергшись гнѣву Святителя Московскаго за нарушеніе церковнаго устава, въ послѣдствіи онъ сдѣлался остороженъ и всыскателемъ къ самому себѣ и къ своимъ подчиненнымъ. Духовенство его епархіи должно было къ нему являться отвсюду для принятія его наставленій. Соборъ въ Бѣлозерскѣ для всего духовенства, ему подвѣдомаго, былъ имъ собранъ въ 1459 году. Разрѣшеніе третьихъ и четвертыхъ браковъ особенно было предметомъ строгихъ запрещеній Θεодосія. На престолѣ митрополіи Θεодосій старался быть посредникомъ мира между Москвою и Новгородомъ въ отношеніи къ духовной іерархіи, такъ какъ нельзя уже было сохранить его въ мірѣ политическомъ; онъ же привелъ и Псковъ въ должное повиновеніе къ Новгородскому архипастырю.

Строгость, наслѣдованная Θεодосіемъ отъ предшественника, побуждала его сзывать каждую недѣлю священниковъ со всей Москвы для духовныхъ наставленій. Вдовы попы и дьяконы подвергались сильнымъ его укорищамъ. Такая настойчивая бдительность архипастыря показалась слишкомъ тяжелою и духовенству, и мірянамъ. Услышавъ всеобщій ропотъ, Θεодосій оставилъ свой престолъ и удалился въ келью Чудова монастыря; народъ не пожелалъ его строгаго надзора; святитель взялъ къ себѣ разслабленнаго, ходилъ за нимъ и омывалъ его струны. Послѣднее время жизни своей онъ провелъ въ Сергіевой лаврѣ и здѣсь скончался.

Уже будучи митрополитомъ, онъ передалъ письму одно воспоминаніе изъ своей жизни въ Чудовской обители: это было чудо исцѣленія, совершенное у рака мощей святителя Алексія надъ однимъ хромымъ монахомъ Наумомъ, уроженцемъ

села Филиппова, у котораго скорчена была нога. Предметъ разсказа и подробности переносятъ насъ въ пятнадцатый вѣкъ. Испѣленіе совершилось ночью, во время самыхъ сильныхъ страданій больнаго, котораго онъ побѣждалъ молитвою; весь монастырь пришелъ въ движеніе и ночью же благодарными духовными пѣснями праздновалъ это чудо. Авторъ разсказа передаетъ событіе не безъ прихвѣсти риторическихъ цвѣтовъ, какъ на примѣръ: *„не презрѣхъ украсить настоящимъ измарамдомъ слова вънецъ;“* „омочихъ мою трость въ свѣтящееся смиреніе“. Сказаніе вставлено было въ лѣтопись и встрѣчается въ Софійскомъ Временникѣ подь 1462 годомъ, т. е. вскорѣ послѣ того, какъ Θεодосій былъ поставленъ митрополитомъ на Москвѣ²⁾.

Θеодосію, отрекшемуся отъ митрополіи, соборнымъ избраніемъ наслѣдовалъ въ 1464 году Филиппъ, изъ епископовъ Суздальскихъ. Онъ управлялъ своею паствою въ духѣ кротости. Въ дѣлахъ Псковскихъ гражданъ съ Новгородскимъ владыкою онъ принялъ сторону архіепископа противъ распоряженій паствы, впрочемъ не безъ законныхъ правъ прилагавшей заботы свои о нравственности вдовыхъ поповъ и діаконъ. Въ рѣшительной войнѣ Іоанна съ Новгородомъ, положившей конецъ его гражданской свободѣ, Филиппъ старался дѣйствовать миротворно: онъ отклонялъ Новгородъ отъ измѣны православному отечеству и смягчалъ гнѣвъ Государя, когда Іоаннъ послалъ грозу свою и мечъ свой на землю Новгородскую. Когда Софія Ѳомишишна Палеологъ, невѣста Іоанна III, готовилась къ вѣзду въ Москву, и папскій легатъ Антоній, ей сопутствовавшій, хотѣлъ торжественно вступить въ столицу въ преднесеніи Латинскаго креста, — митрополитъ Филиппъ, на вопросъ Государя: дозволить ли это легату? твердо отвѣчалъ: „легатъ войдетъ въ одни врата, а я выйду въ другіе. Кто хвалитъ чужую вѣру, тотъ недругъ своей“. Легатъ былъ принужденъ, при вступленіи въ Москву, спрятать свой крестъ. Объявлены были пренія между нашимъ митрополитомъ и Папскимъ легатомъ о различіяхъ между церковью Греческою и Римскою. Филиппъ къ нимъ изготавился. У насъ были тогда извѣстны писанія патриарховъ Константинопольскихъ: Фотія, Михайла Керуларія и Германа, Антиохійскаго Петра и Никиты Стифата, въ которыхъ опровергалось все ученіе Римской церкви, противное нашей. Къ пренію съ легатомъ приглашенъ былъ одинъ Русскій книжникъ Никита Поповичъ, хорошо знакомый съ литературою славнаго спора. Митрополитъ восторжествовалъ надъ легатомъ, который, вызвавшись самъ на преніе, долженъ былъ отказаться отъ него за неимѣніемъ книгъ. При митрополитѣ Филиппѣ начато было строеніе новаго Успенскаго собора, и по этому случаю совершено перенесеніе мощей Святителей Петра, Кипріана, Фотія и Іоны. Филиппъ скончался въ 1473 году, вскорѣ послѣ страшнаго Московскаго пожара, истребившаго домъ его и имущество. Онъ оставилъ пять посланій. Преосвященный Филаретъ полагаетъ, что исторія похода Іоанна III на Новгородъ писана, если

не самимъ митрополитомъ Филиппомъ, то, по крайней мѣрѣ, подѣ личнымъ его наблюденіемъ³⁾).

Филиппу наслѣдовалъ на митрополіи Геронтій, при митрополитѣ Ionъ бывшій архимандритомъ на Симоновѣ и рукоположенный имъ въ епископа на Коломну. Мысль о построеніи новаго соборнаго храма была послѣднимъ завѣтомъ умиравшаго Святителя Филиппа Государю Ioанну. Геронтій продолжалъ дѣло строенія; но церковь, едва складенная до сводовъ, рушилась по неискусству зодчихъ. Призваны лучшіе каменщики изъ Пскова и новый зодчій изъ Италіи Фіоравенти Аристотель. Храмъ, довершенный въ четыре года, былъ освященъ въ 1479 году митрополитомъ Геронтіемъ. Въ 1480-мъ, во время послѣдней борьбы Ioанна съ Ордою и Ханомъ ея Ахматомъ, Геронтій участвовалъ въ примиреніи Государя съ его единокровными братьями и благословилъ его на подвигъ освобожденія отечества такими словами: „Богъ да сохранить твое Царство и дать тебѣ побѣду, якоже древле Давиду и Константину. Мужайся и крѣпись, о сынъ духовный! какъ истинный воинъ Христовъ. Добрый пастырь полагаетъ душу свою за овцы; ты не наемникъ! Избави врученное тебѣ Богомъ словесное стадо отъ грядущаго нынѣ звѣря. Господь намъ поборникъ!“ Всѣ духовные примолвили: *Аминь! буди тако.* Духовенство и митрополитъ во главѣ его, одушевленные истинною любовью къ отечеству, торжествовали надъ коварствомъ и малодушіемъ ложныхъ совѣтниковъ Государя. Славное въ нашей Исторіи посланіе Вассіаново подкрѣпилъ и Геронтій своею грамотою. Въ память освобожденія отечества отъ Монголовъ и прекращенія позорнаго рабства онъ установилъ праздникъ и крестный ходъ 23 Іюня. Митрополитъ Геронтій скончался въ 1490 году.

Зосима, преемникъ Геронтія изъ архимандритовъ Симоновскихъ, четыре года занималъ каяедру митрополіи и запятналъ свою память ересью и отступничествомъ. Въ 1494 году Ioаннъ повелѣлъ ему удалиться сначала въ Симоновъ, а потомъ въ Троицкій монастырь. Симонъ, игуменъ Троицкій, былъ преемникомъ Зосимы. При возведеніи его на престолъ Московской митрополіи въ первый разъ упоминается въ лѣтописи священный обрядъ сего поставленія, введенный Ioанномъ III. Въ символахъ сего обряда, во взаимныхъ привѣтствіяхъ государя и митрополита, знаменуется ясно то согласіе власти духовной и свѣтской, которое составляетъ отличительную черту нашей Исторіи.

Симонъ являлся нѣсколько разъ ходатаемъ за опальныхъ слугъ Ioанна: онъ просилъ за Татищева, чтобы не отрѣзали ему языка; въ первой несчастно-знаменитой опалѣ царской — за дворянъ Патрикеевыхъ, чтобы не отсѣкали имъ головы. Симону приносилъ слезное покаяніе Ioаннъ III въ томъ, что братъ его Андрей окончилъ жизнь свою въ душной темницѣ. Симонъ благословилъ на царство внука Ioаннова Дмитрія, которому не суждено было однако царствовать. При Симонѣ осуждена была и совершенно истреблена Жидовская ересь. Три собора соверши-

лось при этомъ митрополитѣ: первый для составленія новаго Пасхальнаго круга на восьмое тысячелѣтіе; второй для сужденія объ имѣніяхъ церкви, тяготу которыхъ для духовнаго существа ея начала сознать власть свѣтская; третій противъ вдовыхъ поповъ. Годъ кончины митрополита былъ 1511-й.

За митрополитами слѣдуютъ архіепископы, участвовавшіе также въ посланіяхъ церковныхъ. Здѣсь первое мѣсто занимаетъ Вассіанъ, по прозванію Рыло, архіепископъ Ростовскій и Ярославскій. Происхожденіе его, первоначальное воспитаніе, иноческій искукъ остались неизвѣстны. Исторія застаётъ его игуменомъ Троицкой обители, восьмымъ послѣ Преподобнаго Сергія, отъ котораго, конечно, могъ онъ наслѣдовать ту любовь къ отечеству, какая одушевила его въ главномъ подвигѣ его жизни. Отсюда м. Иона посылалъ его въ Кіевъ къ супругѣ Князя Кіевского Александра Владиміровича, Анастасіи, и дѣтямъ ея съ увѣщаніемъ, чтобы укрѣпить ихъ въ православіи противъ навѣтовъ Латинскаго духовенства. Десять лѣтъ игуменствовалъ онъ у Троицы, потомъ былъ архимандритомъ Новоспасской обители въ Москвѣ и вскорѣ рукоположенъ въ архіепископа Ростова и Ярославля.

Изъ всѣхъ обстоятельствъ его жизни видно, что онъ, какъ духовный отецъ, былъ близокъ къ Великому Князю и пользовался большою отъ него довѣренностью. Въ ссорѣ Іоанна III съ братьями Вассіанъ былъ миротворнымъ посредникомъ. Онъ воспринялъ отъ купели сына Іоаннова Василя. Онъ удержалъ въ своей епархіи монастырь Кирилло-Бѣлозерскій, противъ воли самого митрополита Геронтія, прелонивъ въ этомъ спорѣ на свою сторону Великаго Князя.

Главный подвигъ, которымъ онъ увѣнчалъ жизнь свою, было участіе въ освобожденіи отечества отъ Татарскаго ига. Когда Іоаннъ, осторожный и нерѣшительный, бѣжалъ отъ береговъ Оки, занятыхъ войскомъ Ахмата, и колебался въ Красномъ Селѣ около Москвы — идти на врага или нѣтъ, тогда Вассіанъ побудилъ его къ дѣйствию словами горькаго упрека, которыя записала исторія: „Вся кровь Христіанъ падетъ на тебя за то, что ты, выдавъ ихъ, бѣжишь прочь и не бьешься съ Татарами. А почему? Боишься смерти! Не безсмертенъ человѣкъ, а смертенъ. Безъ рока нѣтъ смерти ни человѣку, ни птицѣ, ни звѣрю: дай мнѣ въ руки твоихъ воиновъ; я хотя и старикъ, но не утулю (закрою) лица противъ Татаръ“. Посланіе Вассіаново, съ которымъ мы познакомимся послѣ, довершило великое дѣло избавленія отечества. Изъ этого славнаго примѣра мы видимъ, какъ духовный отецъ въ древней Руси силою вѣры могъ дѣйствовать на Государа и какое благо отсюда было отечеству. Не долго жилъ Вассіанъ послѣ освобожденія Россіи: онъ скончался въ 1480, а по другимъ лѣтописямъ, въ 1481 году⁴).

Съ этимъ Вассіаномъ смѣшиваютъ другаго Вассіана, который былъ также архіепископомъ Ростовскимъ и Ярославскимъ. Вмѣстѣ съ роднымъ братомъ своимъ Іосифомъ Волоколамскимъ онъ былъ постриженнымъ и ученикомъ Пафнутія

Боровскаго и написалъ житіе своего учителя по преданіямъ, какія сохранилъ самъ и принялъ отъ брата своего и отъ товарищей по обители. Это житіе ученые приписывали до сихъ поръ ошибочно первому Вассіану, который, судя по лѣтамъ своимъ, не могъ быть ученикомъ Пафнутія. Вассіанъ второй изъ архимандрита Симоновскаго былъ рукоположенъ на кафедрѣ Ростова и Ярославля послѣ Іоасафа и Тихона, которые наслѣдовали Вассіану первому. Онъ скончался въ 1515 году. Въ библиотекѣ монастыря, основаннаго братомъ его Іосифомъ, хранится ненапечатанное посланіе его о Латинской церкви и православной литургіи, написанное противъ Папскаго легата Николая Шомберга, или Нѣмчина, какъ у насъ его звали.

Узнавъ хотя главныя черты жизни Святителей нашихъ въ XV вѣкѣ, мы перейдемъ теперь къ словамъ ихъ, которыя можно назвать также ихъ дѣлами. Всѣ они писаны Славяно-Русскимъ языкомъ, въ которомъ народная стихія нерѣдко довольно сильно выдается надъ Славяно-церковною. Въ нѣкоторыхъ словахъ есть признаки обычая, что посланія Святителей къ народу читались въ церквахъ, что священники въ духѣ посланія Святительскаго должны были повсюду продолжать поученіе. Церковь въ этихъ посланіяхъ заботилась объ утвержденіи своего вселенскаго единства во всемъ православіи и единства мѣстнаго въ Россіи, объ устроеніи единодержавія и освобожденіи отечества отъ ига иноземныхъ варваровъ, дѣйствовала словомъ на власть Князей, умягчая ее своими совѣтами, на народъ, уничтожая въ немъ предрасудки и суевѣрія, на семьи и дома, водворяя согласіе между членами семьи и защищая иногда меньшую братію, и, наконецъ, на внутреннее свое благоустройство, поучая священнослужителей и заботясь объ ихъ образованіи. По порядку сказаннаго мы познакомимся съ ихъ содержаніемъ.

Посланій числомъ сохранилось болѣе пятидесяти: это, безъ всякаго сомнѣнія, малая часть изъ того, что было написано, что истребили пожары и разгромы, что таятся еще въ древнихъ книгохранилищахъ.

Мы откроемъ рядъ этихъ посланій тѣми, которыя касаются единства вселенской церкви и нашей связи съ нею. Князь Василій Темный, жертва послѣднихъ смутъ удѣльнаго періода, пишетъ посланія къ Царьградскому Патриарху Митрофану (1441) и къ Царю Греческому Константину Палеологу (1448). Духовное воспитаніе нашихъ В. Князей, въ древней Руси принадлежавшее Церкви, здѣсь обнаружило всю свою силу и принесло плодъ самый зрѣлый въ лицѣ такого Князя, который въ дѣлахъ государства обличилъ вредную слабость. Василій сознаетъ начало единой вѣры въ единую и нераздѣльную Троицу отъ временъ Владиміра, когда посланные имъ мужи увидѣли истинную вѣру Греческую, *какъ свѣчу на свѣчицѣ, многосвѣтло свѣтящую*, и повѣдали ему о ней. Черезъ четыреста пятьдесятъ и три лѣта сохранилась она въ землѣ Русской. Хладно-

кровно, но съ рѣзкими подробностями рассказываетъ Василій измѣну Исидорову. „Принеси къ намъ древнее наше благочестіе и православную вѣру“, говорилъ онъ ему, неохотно отпуская его на соборъ въ Феррару. Писаніе, присланное съ Исидоромъ отъ Папы, прочтено было въ присутствіи Русскихъ епископовъ и отвергнуто ими. „Свободно намъ сѣтворите въ нашей земли поставленіе Митрополита“, — такъ проситъ Василій свободы Русской іерархіи. Онъ указываетъ на причину виѣшнюю, что невозможно государю совѣщаться съ митрополитомъ о дѣлахъ государственныхъ чрезъ молодыхъ толмачей, которымъ ввѣряются тайны самыя важныя. Но настояла потребность свободы и для той цѣли, чтобы въ Россіи вѣрнѣе сохранить единство вселенскаго православія. Посланіе заключается мыслію объ единствѣ съ Греческою церковію: „Земля наша доколѣ иметъ стояти, а никакоже разлучно отъ васъ имать быти наше православное христіанство до вѣка“⁵⁾.

Въ посланіи къ Царю Константину Василій рассказываетъ, какъ Святитель Іона былъ избранъ на митрополию Русскую совѣтомъ семейнымъ Князя, совѣтомъ всей церкви Русской отъ святителей до пустынныхъ старцевъ и всею землею Русскою. *За великую нужду* это они сотворили, *а не киченіемъ и не дерзостію*, чтобы Русская земля не страдала безъ Пастыря церкви, ибо „церковь Русская всегда святой Божіей вселенской соборной апостольской церкви Премудрости Божіей святой Софіи Цареградской благословенія требуетъ и ищетъ“. Тяжкое чувство неизвѣстности, есть ли въ Царьградѣ патріархъ, заключаетъ посланіе и обнаруживаетъ причину соборнаго избранія митрополита въ Россіи безъ благословенія отъ Царьграда⁶⁾.

Митрополитъ Θεодосій пишетъ посланіе Новгородцамъ и Псковичамъ (1464) „отъ Архіепископа и вельможъ даже до меньшихъ людей, всему народу истиннаго православія“, и проситъ о милостынѣ на искупленіе гроба Господня. Сводъ Іерусалимскаго храма, этого древняго Сіона, сокрушился. Египетскій Султанъ хотѣлъ поставить на мѣстѣ его мечеть и требовалъ дорогаго окупа. Зѣмли, Болгарская и Сербская, помогавшія святому Христову гробу, стали уже безсильны. Патріархъ Іерусалимскій Іоакимъ, наслышавшись о нашемъ православіи, самъ двинулся къ намъ съ моленіемъ о гробѣ господнемъ и умеръ на дорогѣ въ Кафѣ. М. Θεодосій приглашаетъ всѣхъ по силѣ приносить жертву на созиданіе святаго храма, *еже есть Сіонъ, всѣмъ церквамъ глава и мати, Сіонъ, отъ негоже изыде радость и святъ Христосъ*. — „Взыщите узрѣть лице Господне, говоритъ Святитель, какъ онны святыя жены мѣроносицы любовію сердца Христа взыскали, и рано притекли къ святому Христову Гробу, желая мѣромъ помазать святое Его тѣло, и, не обрѣтши тѣла, когда Ангель своимъ глаголомъ огласилъ ихъ, принявши милость отъ Бога, возвратились. Такъ и вы, уподобясь онымъ святымъ женамъ, любезно притеките, прося отъ Бога прощенія своимъ согрѣшеніямъ, и вмѣсто мѣра подайте милостыню на искупленіе Христова гроба и на созиданіе святой

Божіей церкви“. Самъ Господь глаголетъ о милостыни: „блажени милостиви, яко тѣ помиловани будутъ...“ „милостыни хошу, а не жертвы...“ „дай милостыню, Богу взаимы дасть...“ Сія же милостыня не къ нищему, но къ самому вышнему Творцу Христу и къ его живодавному Христову гробу... Пространнѣ бы писалъ къ вамъ, но знаю, что „божественная писанія знати добръ разумны есте“, и того ради, сыны, мы послали къ вамъ сію грамоту... Подающій такую милостыню *другъ Божій наречется* и въ страшный оный грозный день великаго Божія суда, неизмолимаго Судію Христа умилостивитъ 7).

Подобныя грамоты, кромѣ Новгорода и Пскова, конечно, были посланы въ другія области Русской земли и читались во всѣхъ храмахъ, подвигая народъ на благочестивый подвигъ искупленія Гроба Господня. Другія святыни Востока привлекали также участіе Святителей и православной ихъ паствы. Есть окружное посланіе митрополита Симона (1495 — 1505) ко всѣмъ князьямъ, архіепископамъ, боярамъ, вельможамъ, въ городахъ намѣстникамъ, воеводамъ, волостелямъ, гостямъ, купцамъ и всѣмъ людямъ земскимъ, далѣе всѣмъ духовнымъ, о томъ, чтобы сотворили милостыню Ксиропотамской обители горы Авона, ограбленной Турками. Грамота послана была съ инокомъ старцемъ Герасимомъ, который самъ былъ плѣнень Татарами, проданъ въ Астрахань, оттуда въ Казань и изъ Казани выкупленъ въ Москву 8). Замѣчательно въ этихъ грамотахъ соединеніе всѣхъ словъ, всѣхъ людей Русской земли, во имя одной святой мысли, во имя добраго подвига.

М. Іона (1452 — 1453) посылаетъ патріарху Геннадію дары и говоритъ: „твоя великия святыни за тые наши малые поминки на насъ не помолви, занеже, господине, по грѣхомъ, и наша земля отъ поганьства и междособныхъ браней *велики истощала и потомилася*“. Онъ проситъ у патріарха грамоты къ Вел. Князю въ утѣшеніе, припоминая со скорбью, сколько такихъ сокровищъ, свидѣтельствовавшихъ объ исконной связи Русской церкви съ ея православною колыбелью, погибло: „занеже господине, колькое у насъ было прежнихъ святыхъ Патріархъ честныхъ грамотъ, держали есмы за земскую честь, къ своей душевнѣй ползѣ, поминая тыхъ святыхъ Патріарховъ, да тыя всѣ грамоты, по грѣхомъ, за наша земская неустроенія въ пожары истерялися“ 9).

На другой годъ (1454), по взятіи Царьграда Турками, Грекъ Димитрій, потерявшій все и плѣненный съ своимъ семействомъ въ этомъ разореніи, убѣжавъ изъ плѣна, явился къ м. Іонѣ и рассказалъ ему объ ужасахъ гибели своего отечества. Святитель снабдилъ несчастнаго окружнымъ посланіемъ ко всѣмъ православнымъ, прося ихъ сотворить милостыню единовѣрцу для искупленія жены и дѣтей его изъ плѣна 10).

Такъ этими посланіями и свѣтская и духовная власть дѣйствовали въ пользу вселенскаго единства нашей церкви. Съ другой стороны, Западъ, опираясь на не-

правду Флорентинскаго собора, простирали свои притязанія на насъ и въ Псковѣ, и въ Москвѣ. Сюда относятся посланія, въ которыхъ обнаруживается уже полемическая дѣятельность нашего духовенства, переходящая болѣе въ слѣдующее столѣтіе.

Филиппъ Петровъ, вѣроятно, посадникъ Пскова, извѣщаетъ Новгородскаго архіепископа Геннадія (1491), что сѣрые чернецы Нѣмецкіе приходили въ Псковъ спорить о вѣрѣ, опираясь на восьмой соборъ, бывшій во Флоренціи, и что священники Псковскіе отстояли противъ нихъ православіе. Замѣчательно, какъ соединяли тогда понятіе о семи соборахъ съ современною мыслію о семи вѣкахъ, или тысячелѣтіяхъ, предназначенныхъ для человѣчества: „Премудрость созда себѣ храмъ и утверди столповъ семь, явѣжь есть семь Соборъ святыхъ Отецъ и семь вѣкъ до будущаго вѣка, по Богослову Іоанну“. Сіа, государь, пишетъ посадникъ, твоимъ благословіемъ и ина многа отъ божественныхъ писаній Господни священники къ тѣмъ студнымъ Латиняномъ *отмоглии*. Грамота писана около 1491 года, незадолго до того времени, когда у насъ ожидали кончины міра¹¹⁾.

Другое рукописное посланіе¹²⁾, полемическое, писано уже въ началѣ XVI вѣка, вѣроятно, Вассіаномъ, архіепископомъ Ростовскимъ, въ отвѣтъ папскому легату Николаю Шонбергу, который извѣстенъ былъ въ Москвѣ подъ именемъ Николая Нѣмчина и дѣйствовалъ силою римской пропаганды, употребляя всѣ къ тому средства. Отвѣтъ Вассіановъ представляетъ двѣ части, одну положительную, православную, другую отрицательную, полемическую. Въ первой онъ строго и твердо исповѣдуетъ вѣру вселенской Церкви, начиная ея изложеніе словами Апостола Павла. Въ этой части особенно замѣчательно объясненіе православной литургіи по Григорію Богослову, какъ соединеннаго служенія Богу Ангеловъ и людей. Здѣсь раскрывается незримое присутствіе Ангеловъ, слетающихся съ неба во храмъ въ извѣстныя мгновенія литургіи. Ясно, что эти таинственныя видѣнія напечатлѣвались въ сердцахъ и воображеніи нашего народа подъ руководствомъ духовныхъ учителей!—Вторая часть посланія, полемическая, направленная противъ Латинской церкви, исполнена раздраженія, объясняемаго временемъ. Она гораздо слабѣе первой. Сравненія Латинской церкви съ птицей зогзулей и съ рыбой амуромой нисколько не могли быть назидательны для защитниковъ православія и, конечно, еще менѣе для его противниковъ.

У насъ дома была тогда и своя забота объ удержаніи іерархическаго единства. Отдѣленіе Кіевской митрополіи отъ Московской сильнѣе, чѣмъ когда нибудь, возбуждало опасеніе Московскихъ іерарховъ. Въ Кіевъ же былъ присланъ изъ Рима митрополитъ Григорій¹³⁾, поставленный въ Царьградѣ патріархомъ Григоріемъ Маммою. Многія посланія и грамоты относятся къ этому событію. Святитель Іона писалъ посланія къ Литовскимъ боярамъ и панамъ, къ Князю Кіевскому

Александрѣ Владиміровичу объ единствѣ митрополіи, къ Смоленскому епископу Мисаилу, къ Черниговскому Евѣимію, къ епископамъ Литовскимъ о томъ, чтобы не признавали Кіевского митрополита Григорія, къ Новгородскому архіепископу Іонѣ о томъ, чтобы ограждалъ паству свою отъ навѣтовъ лжемитрополита, къ Литовскимъ князьямъ, сановникамъ и мірянамъ объ единствѣ въ православной вѣрѣ и объ удаленіи отъ Исидоровыхъ единомышленниковъ¹⁴). — Русскіе епископы (1458) сходятся въ соборную церковь Успенія въ Москвѣ, у гроба Святаго Петра митрополита, чудотворца Русскаго, и соборною грамотою утверждаютъ единство Русской митрополіи въ лицѣ святителя Іоны, отрекаясь отъ Григорія. Тѣ же епископы пишутъ посланіе (1459) къ епископамъ Литовскимъ противъ Григорія за Іону¹⁵). — Митрополитъ Θεодосій, наслѣдникъ Іоны (1461), продолжаетъ тѣ же убѣжденія къ Новгородскому святителю Іонѣ¹⁶). Іоаннъ III самъ пишетъ подобную грамоту тому же святителю¹⁷). Въ Новгородѣ вольные граждане, противившіеся властолюбію Іоаннову, грозили отпаденіемъ отъ православія: сильно убѣжденіями и словомъ посланіе митрополита Филиппа къ вольнымъ мужамъ Новгорода и къ священникамъ всѣхъ семи соборовъ Новгородской земли¹⁸).

Русская Церковь была опорю Русскаго государства въ устроеніи единогодержавія, положившаго конецъ губительнымъ удѣламъ. Многія посланія духовенства посвящены этой мысли, — и здѣсь ярче, чѣмъ гдѣ нибудь, убѣдительное слово обратилось въ очевидное дѣло. Первое мѣсто между памятниками этого благотворнаго краснорѣчія нашей Церкви занимаетъ Посланіе Русскаго духовенства къ Углицкому Князю Димитрію Юрьевичу. Карамзинъ назвалъ его *достопамятнымъ* и привелъ значительный изъ него отрывокъ въ своей исторіи¹⁹). Димитрій Шемяка представляетъ послѣднее нравственное безобразіе удѣльныхъ междоусобицъ Россіи. Память его неправдъ и незаконій осталась въ народной пословицѣ о Шемякиномъ судѣ, дожившей и до нашего времени. Сильно и смѣло укоряють Русскіе святители этого гордаго противника власти Великокняжеской. Изложимъ главные ихъ упреки.

Душегубный врагъ рода человѣческаго діаволь *позавидѣлъ* праотцу нашему Адаму и положилъ въ сердце ему *равнобожество*, и восхотѣлъ праотець нашъ *обожитися и равенъ Богу быти въ разумѣннн*, но за то осужденъ былъ и *самомнѣтельствомъ обоженія* пострадалъ. Такъ и отецъ твой, Князь Юрій Димитріевичъ, покушался на великое княженіе, какъ древній нашъ праотець Адамъ къ обоженію! И въ Орду отецъ вашъ къ Царю ходилъ, и всему православному Христіанству была отъ него въ началѣ истома и великіе убытки, а княженія великаго не достигнулъ, потому что ему Богомъ не дано, ни *земскою изъ начала пошлюною*. Что же вышло? Великаго Князя Василія Васильевича согналъ, а потомъ самъ съ Великаго Княженія *въ пяти челоукахъ съехалъ*. Такъ и братъ твой, Князь Василій, восхотѣлъ того же не отъ Божіей помощи и воли, но отъ